

Н. В. Лукина, О. М. Рындина

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АРХИВ В. Н. ЧЕРНЕЦОВА
(К 80-летию со дня рождения ученого)**

В Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета хранится архив Валерия Николаевича Чернецова (1905—1970) — выдающегося исследователя этнографии, археологии и фольклора народов Западной Сибири, крупнейшего советского угроведа, работы которого широко известны не только в СССР, но и за рубежом¹.

В научной деятельности В. Н. Чернецова огромное место принадлежит полевым исследованиям. В течение 24 лет (1925—1948) он занимался изучением обских угров, главным образом манси, а также ненцев и селькупов. Еще в довоенные годы В. Н. Чернецов совершил 10 научных экспедиций и командировок (сроком от 3 месяцев до 2 лет)². Он подолгу жил у манси, овладел в совершенстве их языком и собрал богатейший фольклорный и этнографический материал. Исследователь настолько вжился в мансийскую среду, что манси нередко принимали его за представителя своего народа. В 1927—1928 гг. ученый участвовал в этнографо-археологической экспедиции на Урал, в 1928—1929 гг. — на север Ямала, в 1930-е годы — на Сосьву, Конду и Среднюю Обь. Большой интерес специалистов вызвала открытая им в 1929 г. на побережье Карского моря арктическая культура, а также его этнографические материалы о медвежьем празднике у обских угров.

В 1930-е годы вышли в свет первые работы В. Н. Чернецова, основанные в значительной степени на собранных им полевых материалах. Тематика этих работ необычайно широка. Он рассматривает фольклор и язык манси³ (ученый внес крупный вклад в разработку мансийской письменности), материальную культуру народов северо-западной Сибири⁴, их общественный строй, религиозные верования, искусство⁵ и т. д. В. Н. Чернецову принадлежит открытие фратриальной организации у обских угров⁶.

¹ См. некрологи, посвященные В. Н. Чернецову: Советская этнография (далее СЭ), 1970, № 4; Сов. археология, 1971, № 1; Acta ethnographica, 1971, t. 20 (1—2). Памяти В. Н. Чернецова посвящен сборник «Проблемы археологии Урала и Сибири», М.: Наука, 1973 (см. Предисловие, с. 1—4; Список работ ученого, с. 5—8); журналист А. Омельчук написал о нем очерк «Лозум-хум» (см. Омельчук А. Рыцари Севера. Свердловск: Среднеуральск. кн. изд-во, 1982, с. 129—186).

² См. СЭ, 1970, № 4, с. 195.

³ Чернецов В. Вогульские сказки. Сборник фольклора народа манси (вогулов). Л., 1935, 141 с., илл.; Чернецов В. Н., Чернецова И. Я. Краткий мансийско-русский словарь. С приложением грамматического очерка. М.—Л., 1936, 116 с.; Чернецов В. Н. Мансийский (вогульский) язык.— В кн.: Языки и письменность народов Севера, ч. 1. М.—Л., 1937.

⁴ Чернецов В. Н. Чум.— СЭ, 1936, № 6, с. 85—92; *его же*. Термины средств передвижения в мансийском языке.— Сборник статей памяти В. Г. Богораза. М.—Л., 1937, с. 349—365.

⁵ Чернецов В. Н. Орнамент ленточного типа у обских угров.— СЭ, 1948, № 1, с. 139—152; *его же*. Исчезнувшее искусство (узоры, выдавленные зубами на бересте у манси).— СЭ, 1964, № 3.

⁶ Чернецов В. Н. Фратриальное устройство югорского общества.— СЭ, 1939, № 2, с. 20—42; *его же*. К истории родового строя обских угров.— СЭ, 1947, № 6—7, с. 159—183 (переиздано: Csernecov V. N. Adalékok az obi-ugorok nemzetségi szervezetének történetéhez. Budapest, 1949, 24 p.).

Исследования В. Н. Чернецова по религиозным воззрениям обских угров⁷ вызвали широкий резонанс среди не только отечественных, но и зарубежных специалистов. На II Международном конгрессе финно-угроведов (1965) он выступил с докладом об обрядах, связанных с медведем; уже после смерти В. Н. Чернецова в ВНР была издана его статья о медвежьем празднике у обских угров⁸.

В. Н. Чернецов был известен как ученый, прекрасно владеющий методикой этногенетических исследований с использованием различных видов исторических источников. При анализе археологических данных (а археология постепенно стала его основным занятием) он широко привлекал этнографические, лингвистические и фольклорные материалы. Это нашло отражение в публикациях, посвященных этногенезу обских угров и самодийцев и выявлению этнокультурных ареалов Сибири⁹.

В последнее десятилетие своей жизни В. Н. Чернецов продолжал начатое им ранее изучение наскальных изображений Урала, а также каменного века Зауралья и Западной Сибири, причем при разработке этих и других проблем он неизменно обращался к своим полевым археологическим, этнографическим и фольклорным материалам. Обобщающая работа по древней истории Западной Сибири, подготовленная совместно с В. И. Мошинской, была издана в США уже после смерти В. Н. Чернецова¹⁰.

Разумеется, опубликовать все свои полевые материалы, издать все подготовленные и находящиеся в процессе подготовки работы, передать в музей все пригодные для экспонирования рисунки и фотографии ученый не смог. В 1920—1930-е годы В. Н. Чернецов, правда, сдал в Музей антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде несколько этнографических коллекций (МАЭ, № 3233, 4086, 5531, 5533, 5745, 6546, 3367), собранных среди манси и ненцев, и фотоколлекции (МАЭ, ф. И-786). Большинство же полевых записей, рисунков, кино- и фотоматериалов, рукописных и машинописных работ хранилось в домашнем архиве В. Н. Чернецова.

После смерти ученого его жена и соратник, археолог В. И. Мошинская разобрала архив и в 1979—1980 гг. передала безвозмездно в Музей археологии и этнографии Сибири Томского университета. Этот Музей входит в Проблемную научно-исследовательскую лабораторию, занимающуюся разработкой тематики, которой посвятили свою деятельность В. Н. Чернецов и В. И. Мошинская¹¹.

Состояние полученных архивных материалов в целом было удовлетворительным. Рукописные и машинописные работы, надписанные рукой В. Н. Чернецова, лежали в папках, многие были в тетрадях и блокнотах. Однако фотографии и негативы оказались в основном без подписей. До документального оформления всех материалов В. Н. Чернецова в Музее, авторы настоящей статьи занимались их разбором и описанием, пред-

⁷ См. например, *Чернецов В. Н.* Представления о душе у обских угров.— Тр. Ин-та этнографии АН СССР, т. 51. М.—Л., 1959, с. 114—156.

⁸ *Чернецов В.* Периодические обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем.— *Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum*. Helsinki 23—28.VIII.1965. Budapest, 1965, pars II, p. 102—111; *Tscernetzow V. N.* Bärenfest bei den Ob-ugriern.— *Acta ethnographica*, 1974, т. 23 (2—4), S. 285—319.

⁹ *Чернецов В. Н.* Древняя приморская культура на полуострове Ямал.— СЭ, 1935, № 4—5, с. 109—133; *его же.* Очерки этногенеза обских угров.— Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры. В. 9. М.—Л., 1935, с. 18—28; *его же.* К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье.— Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 1. М.—Л., 1947, с. 113—134; *его же.* Усть-полуйское время в Приобье.— Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л., 1953, № 35, с. 221—241; *его же.* К вопросу о месте и времени формирования уральской (финно-угро-самодийской) общности.— *Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum Budapestini habitus* (20—24.9.1960). Budapest, 1963, s. 405—415; *Chernetsov V. N.* On the Problem of Ancient Substratum in the Cultures of the Circumpolar Region.— Тр. VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Москва, 1964, т. 10. М.: Наука, 1970, с. 260—267, и др.

¹⁰ *Chernetsov V. N., Moszynska W. I.* Prehistory of Western Siberia.— Montreal and London, 1974, 377 p.

¹¹ После смерти В. И. Мошинской (1980) ее сестра — Я. И. Мошинская и муж сестры — Б. А. Чайковский подарили Томскому университету библиотеку ученых.

варительно получив консультацию о правилах описания личных научных архивов в Государственном архиве Томской области. После завершения этой работы все материалы были сданы по приемо-сдаточному акту в архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Фонд В. Н. Чернецова имеет здесь № 869, в нем насчитывается 157 единиц хранения (дел).

Весь имеющийся материал описан и систематизирован с учетом подборок, сделанных В. Н. Чернецовым, а также исходя из общепринятой рубрикации разделов материальной и духовной культуры. Наиболее важную часть архива составляют полевые записи, сделанные ученым во время экспедиций к ненцам, хантам и манси — около 1,5 тыс. рукописных листов разного формата с этнографическими записями и столько же листов с фольклорными текстами на мансийском языке.

Свои этнографические материалы В. Н. Чернецов подразделяет на «дневники» и «реальные записи». Различие этих видов источников — в степени обобщения самим исследователем собираемых сведений и в сделанных им акцентах при описании хода полевой работы. В «реальных записях» зафиксированы конкретные этнографические сведения о явлениях, которые наблюдал он сам или о которых ему рассказали информаторы. «Реальные записи» не систематизированы тематически, не снабжены комментарием ученого. В дневниках изложен собственно ход экспедиций, условия работы и сбора материала, что подчас не менее важно, чем сам материал. Здесь же имеются оценочные суждения В. Н. Чернецова о собранной информации, есть и попытки предварительного анализа и обобщений. Дневники и «реальные записи» составили 26 тетрадей и блокнотов разного формата. Это результат экспедиций к хантам и манси в бассейны рек Сосьвы, Лозьвы, Тагила (1925—1927 гг.), Оби, Сосьвы, Конды и в Ивдельский район Свердловской области (1931—1938 гг.). Этнографические сведения, собранные у ненцев Ямала, относятся к 1928—1929 гг., а у тазовских селькупов — к 1946 г.

О значении архивных материалов В. Н. Чернецова позволяет судить уже их перечень. Поражает прежде всего разнообразие тематики этих материалов. Пытливый и внимательный взгляд исследователя обращался к занятиям народа, одежде, типам жилищ, средствам и способам передвижения, орудиям труда. Равным образом его интересовали родовая организация, сведения о сверхъестественных существах, культовые места и жертвоприношения, шаманство, изобразительное искусство и фольклор. В дневниках встречаются грамматические упражнения по мансийскому и ненецкому языкам. Уделяя большое внимание материальной культуре хантов, В. Н. Чернецов в полевых записях выделяет три типа жилищ: зимние юрты, летние берестяные чумы и временные односкатные балаганы. Он записывает представления о духах очага и дома, жертвоприношениях для них, запреты мужчинам и женщинам на определенные действия внутри жилища. Собирателем останавливается на средствах передвижения и половозрастных ограничениях при езде на нартах, описывает состав, способы приготовления и хранения пищи, правила поведения за столом, характеризует бюджет семьи. У манси он отмечает петлю для ловли чаек, рыболовный снаряд и музыкальный инструмент, зимнюю и летнюю одежду. Его интересуют представления об обитателях трех небесных сфер, земли и подземного мира, виды присяг, нормы обычного права и брачных отношений, различные запреты и действия оберегающего характера.

Для примера остановимся несколько подробнее на материалах с полуострова Ямал. Здесь содержатся ценные сведения о морском промысле (чем, когда и как охотились на моржей, как снимали шкуры с животных и что делали с различными частями туши), об оленеводстве (зафиксированы маршруты кочевков, процедура разделения оленьего стада и пр.), о религиозных воззрениях (записи о священных местах, посмертных изображениях шамана и отношении к ним, о добрых и злых сверхъестественных существах). Молодой исследователь не только фиксирует, но и анализирует полученную информацию. Так, он записывает в дневнике

свое предположение о том, что ямальские самоеды (ненцы) — не давнишние насельники современной тундры, а пришельцы из лесной зоны. По его мнению, существует две экзогамные группы, одна из которых возникла путем слияния «авангардной ветви самоедского движения» с легендарными местными сиртя.

Дневниковые записи чрезвычайно интересны еще и потому, что позволяют приблизиться к разгадке феномена В. Н. Чернецова: ему поверяли то, что обыкновенно скрывали даже от многих сородичей. Первые страницы дневников заполнены описанием маршрута, встреч с новыми людьми, погодных условий и содержат немного этнографических наблюдений. Эти страницы отражают период установления «нормальных», по словам исследователя, отношений, исключающих какое-либо недоверие с обеих сторон. Сближение ускорялось увлеченностью В. Н. Чернецова своей работой, а также его искренней доброжелательностью, стремлением овладеть языком местных жителей и научиться делать все то, что умели они: управляют нартой, ставить чум, охотиться и т. д. Вот как описан эпизод охоты вместе с ненцем: «Теперь мы уже совершенно не разбирали дороги, перескакивая временами через неширокие трещины... Местами лед гнулся так, что казалось, мы бежим по пружинному матрасу. Но страха не чувствовалось... Звери были шагах в 500. Упираю винтовку в льдину и начинаю стрелять. Подбежавший Сахэди открывает пальбу из своей берданки... Наконец, после моего выстрела один из медведей ревет и валится в воду...».

Тесное слияние с жизнью изучаемого народа вызывало расположение к исследователю, что позволяло ему до мельчайших подробностей познакомиться с бытом и нравами ямальских ненцев. Он удачно выбирал время для беседы — обычно вечером после совместной работы, при свете костра, когда сама обстановка располагала к откровенному разговору. В. Н. Чернецов умел направить беседу в нужное русло, проявляя при этом находчивость и юмор. Например, ненец уклонился от ответа на вопрос, почему чайка считается священной птицей. Собиратель подзадорил его ссылкой на хантов, у которых-де есть и изображения птицы и легенды о ней. В результате «старика, наверно, задело за живое, и он сказал, что чайка оттого священна, что в ней живет дух, который летает в ее облике». Подобные ситуации описаны и в других местах дневника ученого.

В. Н. Чернецов хорошо рисовал, и его полевые записи нередко сопровождаются зарисовками (впоследствии он сам готовил по ним иллюстрации к публикуемым работам) в карандаше, акварелями. Во время экспедиций постоянно велись и фотосъемки. Часть архивных иллюстраций — это зарисовки музейных экспонатов либо копии рисунков из опубликованных работ. Всего в архиве 481 рисунок, 761 фотоснимок, более 600 негативов и позитивов на стекле и фотопленке. Негативы и фотографии совпадают лишь частично: большое число негативов не имеет отпечатков, и далеко не ко всем фотографиям имеются негативы. При обработке архива фотографии и рисунки (кроме зарисовок в тетрадях) были распределены по темам и в соответствии с этим разложены в папки (дела). Им даны названия, например: «Изобразительное искусство», «Хозяйственная деятельность», «Постройки» и т. д.

Уникальными являются поступившие в Музей киноматериалы В. Н. Чернецова (22 единицы хранения). В 1948 г. он и В. И. Мошинская сняли два фильма: об археологических раскопках в Сузгуне и о медвежьем празднике. В тот год в поселке Вежакоры на р. Обь происходили завершающие празднества семилетнего обрядового цикла, связанного с культом медведя у обских угров. В. Н. Чернецов планировал снять об этом кинофильм, но из-за распутицы попасть на празднества не удалось. Популярность же ученого среди манси была такова, что старики разрешили повторить обряды для киносъемки. Основной фильм о медвежьем празднике со временем был В. Н. Чернецовым утерян, и в архиве находится второй вариант, созданный по кадрам, не вошедшим в первый фильм. Имеются и другие киноматериалы: о поездке на р. Казым, архео-

логических раскопках и пр. После смерти ученого большую заботу о сохранении его киноматериалов проявил Б. А. Чайковский. Сейчас многие киноленты требуют реставрации.

Самостоятельное значение имеют фольклорные тексты, записанные В. Н. Чернецовым на мансийском языке. В архиве они составляют 16 дел. Для первичного ознакомления с содержанием текстов была приглашена владеющая родным языком мансийка Н. В. Сайнахова (сотрудница Ханты-Мансийского окружного научно-методического центра народного творчества и культпросветработы). С ее помощью были определены названия или сюжеты произведений устного народного творчества, уточнены места их фиксации. Выяснилось, что в архиве представлены героические песни, исторические предания, сказки, бытовые рассказы и другие жанры. Многие из этих произведений ныне забыты, и значение записей В. Н. Чернецова трудно переоценить. В архиве есть также папка ученого с переводами фольклорных мансийских текстов на русский язык; судя по всему, В. Н. Чернецов готовил их к публикации.

В архив Музея поступили, как уже отмечалось, подготовительные материалы к публикациям и выступлениям: отпечатанные стенограммы лекций, тезисы докладов, выписки из литературы, описание музейных коллекций, варианты изданных статей. За основу выделения и оглавления дел в данном случае были приняты тематические подборки В. Н. Чернецова: «Вопросы формирования уральской общности», «Медвежий праздник», «Общественный строй обских угров» и др. (всего 9 дел). Документы ученого, личные письма и записи биографического характера вошли в «Личное дело». Имеются также образцы литературного творчества В. Н. Чернецова.

Из богатейшего этнографического наследия В. Н. Чернецова опубликована лишь часть, подготовленная, в основном, по полевым работам 1931—1938 гг. Почти весь материал по культуре обско-угорского населения бассейнов Лозьвы, Сосьвы, Тагила и ненцев Ямала (1925—1929 гг.) хранится до сих пор на страницах тетрадей и блокнотов ученого. Вскоре после поступления и обработки архива В. Н. Чернецова было принято решение о публикации этнографических дневников в издательстве Томского университета. Сейчас авторы данной статьи ведут непосредственную подготовку рукописей к публикации. С выходом в свет полевые материалы В. Н. Чернецова несомненно будут использоваться специалистами как один из ценнейших источников по этнографии народов Западной Сибири.